

УДК 811.512.145

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕНОСТИ УСКУТСКОГО ГОВОРА

Мурахас М. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Ускутский говор, будучи уникальным явлением крымскотатарского языка заслуживает пристального внимания и тщательного изучения. Наряду с общеюжнобережными диалектными тенденциями, он вобрал в себя большое количество фонетических и лексических особенностей, которые дифференцируют его в общелингвистическом поле южнобережья. В данной статье исследованы некоторые грамматические особенности ускутского говора.

Ключевые слова: южнобережный диалект, ускутский говор, грамматические особенности.

Постановка проблемы. История формирования тюркских языков, а также соответствующих диалектов, систем, характеризуется последовательным развитием различных родоплеменных объединений, из числа которых наибольшее влияние на формирование современных тюркских языков и диалектов стали иметь болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский союзы. Каждый из этих племенных союзов оставил в языках и диалектах следы своих специфических особенностей, согласно которых в настоящее время и производится членение всех тюркских языков на соответствующие группы и географические ареалы. Наиболее устойчивые и характерные системы сочетания этих специфических особенностей или признаков сохранили языки и диалекты болгарского, кыпчакского, карлукского, уйгурского и огузского ареалов [1].

Огузский ареал границы, которого охватывают Малую Азию, часть Балканского полуострова, Южную Молдавию, Азербайджан, Туркмению, Северные районы Ирана, некоторые районы Ирака и Сирии представлен языками: Азербайджанским, турецким, гагаузским, туркменским, диалектами балканских тюрков, диалектами азербайджанцев и туркмен Ирана, Ирака и Сирии, (южнобережным диалектом крымскотатарского языка-М.М.), огузским диалектами узбекского языка. Он также характеризуется и специфическими общими для указанных языков чертами [1].

Происхождение слова огуз и связанных с ним собственных имен до сих пор не нашло единого решения. Одной из первых попыток объяснения этого собственного имени - названий одной из крупнейших родоплеменных объединений было предложено И.Н. Березиным и позднее поддержано французским исследователем П. Пеллио сближение названия племен огуз с огуз – молозиво[2]. Многие из исследователей видели в составе названий огуз словопонятия ок – стрела, переносн. «род племени» и уз – «человек» или аффикс множественного числа, т.е. «роды племена»[2].

Не менее популярным является также этимологизация огуз из огуз – «бык» т.е. «племя имеющие своим тотемом быка». В частности жители селения Ускут в экс-

тремальных случаях божеству Танры приносят в жертву черного быка, а также элементы с упоминанием черного быка сохранились в пословицах и приданиях деревни [5].

В поздней классификации тюркских языков Н.А. Баскаков южнобережный диалект крымскотатарского языка относит к огузской семье языков, тогда как в своих ранних исследованиях огузскому компоненту в формировании крымскотатарского литературного языка отдавал более существенную роль. Данное замечание действительно имело основание в развитии крымскотатарского языка.

Как разновидность южнобережного диалекта крымскотатарского языка, ускутский говор обладает всеми основами фонетическими и морфологическими особенностями «ялы бою шивеси». Но необходимо отметить, что наряду с общими для всех южнобережных говоров фонетическими явлениями налицо признаки, дифференцирующие его в общелингвистическом поле.

Исторически обусловленное взаимовлияние южнобережных говоров крымскотатарского языка и долгое время соседствующих с ними урумского и румейского говоров новогреческого языка, было неизбежным. Оно нашло отражение не только в лексическом строе, но и в фонетико-морфологической структуре двух языков [3].

Ранние греческие заимствования подверглись значительным фонетическим изменениям и были адаптированы фонетической системой крымскотатарского языка. Грецизмы адаптированы крымскотатарским языком не только фонетически, но и морфологически [4].

Урумские населенные пункты в Крыму занимали преимущественно северо-западные склоны Крымских гор, а поселения где жили, румеи занимали их южные юго-восточные и восточные склоны. На северо-востоке румейского диалектного массива в окружении других румейских говоров находились «чекающие» говоры, составившие основу приазовских румейских говоров, с урумскими (т.е. «текающими» - М.М.) говорами тесно не контактирующими.

Данное явление констатируется зафиксированной в ускутском говоре и локализованной в некоторых майле заменой Г на Ч и ДЖ перед переднеязычными гласными в системе консонантизма. Н – р.: кельдим – джилдим.

Келин - джилин Керек
– джирек Кеди - чиди
Кенеф–чинеф
Кирамет–чирамет
Ким - чим

Необходимо отметить, что данное фонетическое явление абсолютно для носителей близлежащего арпатского говора.

В ускутском говоре наблюдается так же обратный переход Ч в К. Н – р: не ичюн–некин, ичне–икири, чешме–кишме.

Чередование Ч>Ш имеет место в нескольких словах: шаршаф- чаршаф.

Факт замены (возможно случайный) начального К на урумский Т зафиксирован в варианте кешме – тишме: «Сабах тишмие вардым».

Общеогузским в области консонантизма является соответствие огузского звонкого начала слова кыпчакскому глухому началу К/Г и КЪ/Х и огузско-кыпчакского противопоставления о/Й в анлауте: илан – йилан, йип – ип.

Примером перехода К в Г перед гласными переднего и заднего ряда являются слова:

Келин – гилин
Кетмек – гитмек
Козь – гозь
Керек – гирек
Кучь – гучь;

Начальный К отличается стойкостью (т.е. не замещается звонким Г) в позиции перед И, Е в таких словах как: кестане, кирамет, кир, кучук, кучелек, кирез, киев. Хотя возможность перехода в Ч остается актуальной, причем как в анлауте, так и в инлауте: чирамет, чирез, ичмет (в значении благодать), чирли

Чередование Б/П присутствует в словах:

Пармакъ – бармах, пытакъ – будах, пахла – бакъла.

Чередование Д/Т фиксируется в словах: терек – дирек, терен – дирен, тамыр – дамар, тегиз – дигиз, тиль – диль, хотя остаются стойкими в словах: тахия, тикаран, таях, тупрах, ташымах, тапмах, тупламах, татлы.

Кроме того, в системе консонантизма происходит замена отдельных специфических тюркских звуков на звуки на другие. Н-р увулярный Н замещен переднеязычным Н: синин, диниз, динле и др.

В области вокализма наблюдается наличие следующих фонетических субституций.

Первая из них (а > и, ы), имеющая аналогию в крымскотатарской песенной речи, а также урумском говоре новогреческой речи Н-р:

Юксек минаре кашлеринъ къаре.

В ускутском говоре хашлири (къашлары):

Ханитлири (къанатлары)

Ахчылары (акъчалары)

В области вокализма наиболее наглядным является переход О первого слога в У. Н-р: омюр – умур, комюр – комур, тола – тула, оджакъ – уджах, ода – уда. Если в сильной позиции о сохраняет свои основные характеристики: топ, козь - то с присоединением к нему аффиксов верхнерядный О переходит в среднерядный У. Н-р: тупум – гузум, утлады – тузланды (запылился), (дифференция же значений тозланды и тузланды происходит контекстуально).

Кроме того абсолютной является замена Е>И в безударной позиции: кельдим – гильдим, кеттинъ – гиттин – в первом слоге, так и в последующих безударных слогах: береджен – вириджен, етеджек – йитиджек, енгелер – ингилер, манелер – манилер, текнелер – тикнилер.

Н-р: Кельсин меним догъмушларым. / Гильсин миним дугъмушларым.

Замена Ы огубленным У в словах къарпыз – харпуз, къапы – хапу.

Замена притяжательного аффикса Ы в словах с огубленными предшествующими слогами на У: догъмушы - дугъмушу , къапысы – хапусу, тузлыгы - тузлугъу , къартопы- хартубу.

Замена А огубленным У в словах хораз – хуроз.

В некоторых словах происходит замена гласного Е на О, а при последующем присоединении аффиксов на У, аналогично с вышеназванными примерами: джеп – джоп – джублерим, киев – кийов – кийувларым.

Фонетико-морфологические противопоставления охватывают формы именного и глагольного словоизменения, огузские и кыпчакские показатели которых различаются фонетически, восходя к одним и тем же морфемам, а именно: родительный падеж на – ын – ин / - нынъ – нинъ (диригин япрахлары сарарды, бабамын халпагы хумшуя халды).

Винительный падеж на – (й)ы -(й)и –ю / -ны –ни: гулю хупардым, суфрайы дунатым, хумшую юллаттым.

Дательный и местный падежи на – (й)е / -гъа и –да, –де соответственно: динизе вардым, скимлийе утурдум, яны иве яшай, туркуе ишиттим.

Форма инфинитива на –ма(й)а, –ме (й)е /-магъа, –меге: хафтан алмая варды, суичмие истиди, шурбайи иситмие хуйду.

Соответствие – н / - нъ в аффиксах 2-го лица: итиштин, гутурдун (алып бардынь), алыштын.

Причастие на – (й)ан, –(й)ен/ - гъан, –кен: агълайан, ушуен бала.

Деепричастие на – (й)а – (й)е / - ип –ып: гулийе –гулийе хаттых, уйнайа – уйнайа яптых.

Форма глагола прошедшего времени на – мыш–миш–муш/ гъан–кен: гильмиш, учмуш, алмыш.

Наличие огубленных форм почти всех аффиксов.

Примером же фонетическо-морфемного выпадения из общелингвистического поля является форма настоящего простого времени 1-го лица на безударные –рим, –рым: ухурум, ишлерим, арарым, итерим.

Выводы и перспектива. Таким образом, мы приходим к выводу, что причины фонетико-морфологического противостояния ускутского говора далеко неоднозначны и требуют тщательного анализа каждого конкретного случая. Но факт того, что языковое койне, имеющее как лексическую, так и фонетико-структурную природу, сыграло определенную роль, в обособленности ускутского говора от южнобережных лингвистических традиций очевиден.

Список литературы

1. Баскаков, Н. А. К этимологии слова OGUZ, OGUZ – QAGAN // Советская тюркология, 1982.- № 1.- С. 88-90.
2. Баскаков, Н. А. Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов // Советская тюркология, 1982.- №3.- С. 3-9.
3. Гаркавец, А. Н. Тюркские языки на Украине (Развитие структуры) // А. Н. УССР.– Киев: Наукова думка – 1988.
4. Меметов, А. М. Греческие заимствования // Лексикология крымскотатарского языка.- Симферополь: Крымчпедгиз, 2000.
5. Куртиев, Р. Календарные обряды крымских татар.- Симферополь: Крымчпедгиз, 1996.

Мурахас М. С. Деякі граматичні особливості ускутського говору / М. С. Мурахас // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 69-73.

Ускутський говор, будучи унікальним явищем кримськотатарської мови заслуговує особливої уваги та ретельного вивчення. Поряд з загальнопівденнобережними діалектними тенденціями, він вобрал в себя більшу кількість фонетичних і лексичних особливостей, які диференціюють його в загальнолінгвістичному полі південнобережжя. У даній статті досліджені деякі граматичні особливості ускутського говору.

Ключові слова: південнобережний діалект, ускутський говор, грамматические особенности.

Murahas M. S. Some grammatical features of uskut of manner of speaking / M. S. Murahas // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 69-73.

Uskutskiy dialect, being unique phenomena of crimeantatar language deserves, rapt attention and close examination. Alongside with whone south dialectal trend he вобрал in itself big amount phonetic and lexical particularities, which differentiate him(it) in a lingvistic field of south seaside. In given article explored some grammatical particularities of uskut dialect.

Keywords: south idiom, uskut dialect, grammatical particularities.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.